

ПЕНА

«Непобедимая и легендарная...»

Из строевой песни курса.

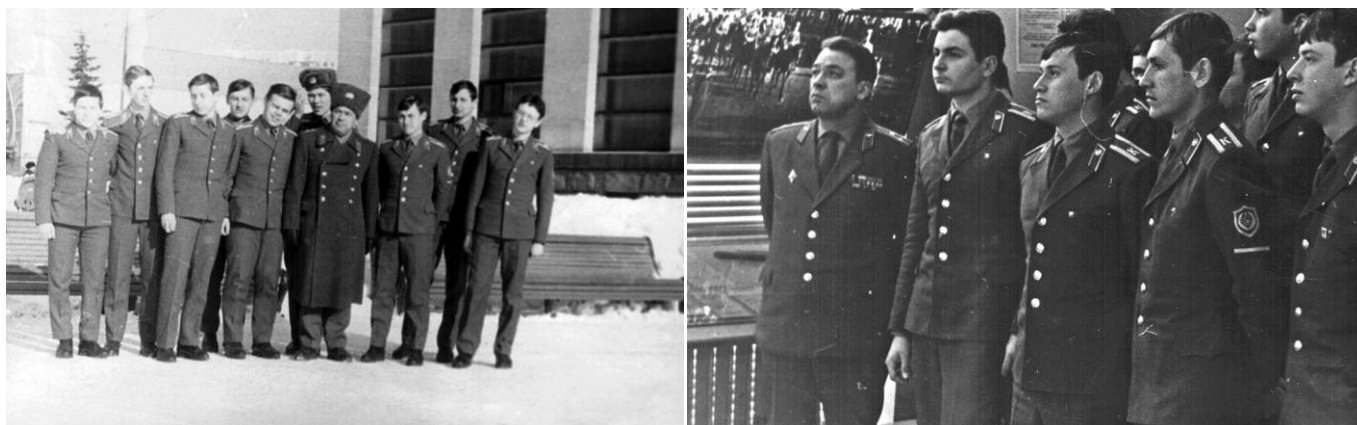
«Я-и-я!», от волнения мой голос сорвался звонким петушком, и вместо солидного, раскатистого «Я!» по гулкому тоннелю полутемной казармы пролетел жалобный писк. Старшина первого курса Восточного факультета ВИМО, взрослый, жилистый мужчина, сделал паузу и медленно повернул голову в конец строя, где во второй шеренге стоял я, проклиная себя за неловкий звук. Сержант брезгливо посмотрел в мою сторону, поиграл желваками и, облив презрением невидимого «салагу», продолжал читать список вечерней поверки. «..Я! Я! Я-у! Госпиталь! Я!.. Санчасть! Ленкомната! Я! Я! Наряд!..», список казался бесконечным. Из первоначальных ста двух человек курса в строю стояло всего человек восемьдесят, но я ощущал такую усталость, что мне было уже наплевать сколько всего «сачков» отлеживалось в санчасти Военного Института и сколько «приближенных» к святому делу политвоспитания «живописцев» нашли себе теплое место в бригаде оформления Ленинской комнаты курса. Наконец, список поверки закончился, и старшина с садистским удовольствием начал читать список наряда, куда молодой курс «востока» набора 1976-го года заступал в первый раз. Тоскливый опыт первых лагерных нарядов не обещал ничего приятного, и я совсем не удивился, когда старшина-арабист, как мне показалось, с нарочито сладострастной интонацией назначил в наряд по кухне всю «китайскую» учебную группу. Еще бы, злобно подумал я, все «арабы» в караул заступают, наверняка, почище будут завтра! Эх!...

Первый курс Восточного факультета ВИМО, 1976-й год. Фото из личных архивов.

...«Вольно! Разойдись!», строй сразу загудел и развалился на множество похожих фигур в помятых х/б. Заскрипела дверь в туалет, откуда под нестройное бречание гитары стали выплывать синие клубы табачного дыма. Смех, негромкий мат, какие-то возгласы стали расплзаться по бесконечному чреву старинной казармы, стены которой, вероятно, уже видели это много раз. Курсанты только привыкали к новому месту, и подойти и завалиться на свою койку было сладкой мечтой каждого. Но, тут курсанта поджидала ловушка в виде неприметной фигуры начальника первого курса, молодого «блатного» «старлея» на майорской должности, чья «маза» позволила ему не гонять взвод узбеков по полигонам, а командовать целым курсом престижного Военного Института. Я с удовлетворением заметил, как нагловатый парень из «арабской» группы соскочил с кровати и вытянулся во весь длинный рост перед начальником, и, как пойманный школьник, тербил в руках фуражку. Ничего, потерпишь, подумал я, дедушка-то маршал, поможет! Эх, «маза»! Ничего

ему за это не будет: он уже три раза дома ночевал, хотя, до присяги никому увольнения не полагались. Я тоскливо посмотрел на свою тщательно заправленную койку, вид которой принес некоторое успокоение. Еще каких-то полчаса, и можно будет спокойно растянуться под синим солдатским, байковым одеялом, мысленно послав всех куда подальше! Но, я поспешил на улицу, чтобы хоть несколько минут побыть наедине. Пнув увесистую, старую дверь с жутким воем пружины, я оказался на воздухе, где под ослепляющим фонарем на входе, как жуки, топтались курсанты. Место, по моему мнению, стратегически было неправильным: узкий проход между длинным, темным проездом вдоль казармы, известного под названием «проспекта Карбышева» за его постоянный холодный ветер и не менее сумрачного вечером плаца, был настоящей ловушкой для незадачливых новобранцев. В любой момент из темноты мог выскочить дежурный по Институту, какой-нибудь ископаемый полковник, для которого редкий наряд на службу ассоциировался не только с артрозом ног в сапогах, но и приступом настальгического командного инстинкта. Посреди небольшого круга первокурсников, с вечной беломориной в прокуренных зубах, надоедливо поясничал Карлуша, невзрачный, лысыватый парень из наших «китайцев», по сотому разу рассказывая несмешные полудетские анекдоты. Курсанты не смеялись, и, лишь, лениво закуривали тут же, сплевывая на асфальт.

Из жизни «китайской» группы. Первый курс Восточного факультета ВИМО, 1976-й год. Фото из личных архивов.

За первые дни нашего пребывания на Волочаевской улице несколько человек с нашего курса неожиданно для себя попали в «залетки» по пустякам, за неотдание чести или незастегнутый воротничок. Мне повезло и я быстро научился маскироваться и избегал ненужного общения со старшими по званию. Я потерял ремешок медную пряжку ремня и направился в сторону плаца, чуть не налетев на две темные фигуры старшекурсников, которые деловито шагали куда-то прочь с плаца, вероятно, не очень привлеченные прелестями «вечерней прогулки». Они не обратили на меня никакого внимания и продолжали шагать прочь пружинистой походкой, лихо держа заломленные фуражки под мышкой. Когда они повернулись ко мне спиной, я заметил огоньки зажженных сигарет, умело спрятанные в их лодонях. Когда пара курсантов, вероятно, «юристов», поровнялась с фонарем, как и предполагалось, им навстречу из темноты бодро выплыла фигура дежурного по Институту, коренастого подполковника, судя по начищенной генеральской пряжке которого, обязанности старшего приносили ему явное удовольствие. Старшекурсники, не снижая темпа, молниеносным движением надели фуражки и вполне достойно отдали честь подполковнику, которому заметить этот маневр было почти невозможно. Они предусмотрительно переместили сигареты в кулаках вперед, чтобы подозрительный дымок не надоумил подполковника обернуться, и через мгновение исчезли за углом казармы в направлении учебного корпуса. Вот, это да! Мастерство! Я шагнул ближе к стене, в темноту, чтобы не видеть, как дежурный воспитывает нашего курсового клоуна Карлушу, который по неопытности, как всегда, затрепался под фонарем, рассказывая очередной дурацкий анекдот, и встретил подполковника «расстегнутым», без фуражки и с вечной папиросой в зубах. Эх, пехота!...

Автор до и после присяги, 1976-й год. Из личного архива.

...Многоэтажки за высоким забором Волочаевской улицы из темноты плаца казались призрачным миражом. Белые, желтоватые окна светились почти все, словно нарочно дразня той, еще совсем недавно обычной московской жизнью. Я зачарованно смотрел на них, забывая грубоватые окрики сержантов, нестройные строевые песни и шарканье сапог по плацу, который, если вдуматься, тогда был для меня вполне тюремным. Зачем? Почему? Для кого? Все эти вопросы устало крутились у меня в голове, но я знал твердо – назад дороги не было. Не было больше того удобного, привычного, теплого мира с любимыми книжками, магнитофонными пленками и школьными друзьями, чья жизнь осталась там, за далекими московскими окнами. Что меня ждало впереди? Почему я оказался здесь? Зачем я учу этот странный, чужой язык? Что ожидает впереди «военного переводчика со знанием китайского языка»? Ответа не было, но было ощущение холодной, пугающей новизны, новой жизни, которую мне предстояло строить одному, и которая, почему-то, казалось мне тогда обещающей. Люди любят создавать препятствия, чтобы их преодолевать, любят терять свободу, чтобы ей потом наслаждаться. Честно сказать, я не был таким мазохистом, но ощущение личной свободы родилось у меня в самый неожиданный период – на первых курсах Военного Института, в конце 1970-х годов, когда армейские законы службы достигли в ВИМО печального апогея, а, вот, легендарные демократичные традиции старого «института иностранных языков» умерли безвозвратно. Моя жизнь ограничилась короткими увольнениями, а владения – койкой и прикроватной тумбочкой. А, самолюбие и свободу я спрятал подальше, чтобы не раздражать «отцов-командиров». Ну, что же, товарищ курсант, надо приспособливаться!..

Казарма Восточного факультета ВИМО - место проживания автора в период 1976-1979гг. Фото 2000-х годов, по материалам Интернета.

...Сержант Боря, командир «китайской» группы первого курса, пошевелил синюшными губами, и, тупо смотря в бумажку, злобно выкрикивал фамилии. «Ладно! Все! Справа по одному, бегом марш!», строй лениво зашевелился, зашаркал на месте с энтузиазмом узников Освенцима, смешно поджав руки. Со стороны группа мешковато одетых курсантов напоминала детский утренник где все изображали невеселых зайчиков, которым очень нужно было в туалет. Я с удовольствием поежился, наконец оказавшись в столовой, потому что внутри помещения было намного лучше, чем на ледяном ветру промозглого октябрьского вечера. Все складывалось не так плохо. Я не попал в знаменитую «каморку Папы Карло» - замечательную комнату отходов, известную также под названием «хижина Дяди Тома». Место было настолько презренным, что попавший туда, чувствовал себя незаслуженно наказанным, и даже дежурный по столовой не донимал этого доходягу весь наряд. Добрые тонны пищевых отходов с кухни полагалось нагружать в контейнеры и держать каморку в относительной чистоте, что было, в общем, не так трудно – все заключалось даже не в вони, а в психологической муке, в презренности места, которого избегали почти все. Почти, ибо на свете существовали всякие отклонения от нормы. Весьма скоро курс узнал, что у нас были загадочные люди, патриоты древнего африканского языка Сомали, которые, оказавшись в кухонном наряде, просились в камеру отходов сами. Поначалу мы даже тихонько бегали вниз посмотреть, что они там делают, и однажды я сам застал их, курсантов «сомалийской группы», умиротворенно сидящих на вонючих помойных контейнерах и что-то поедающих. У меня был крепкий желудок, но от этой картины меня затошнило. Когда я присмотрелся, то разглядел, что наши провинциальные самородки пожирали свои присланные из деревни припасы, что несколько успокоило меня тогда. После этого случая я еще раз убедился в своем наблюдении, что в ВИМО принадлежность к изучаемому языку накладывало заметный отпечаток на людей, особенно на целые учебные группы. Так, всем нам было известно, что курсанты-«китайцы» - многочисленны, мрачноваты и работоспособны, что «арабы» - двуличны и недружелюбны, что «корейцы» - скрытны и немногословны, что «персы» - веселые раздолбаи, а «сомалийцы» - пойдут на самую грязную работу, даже когда их никто не просит об этом. Но все это мы изучили потом, а пока у нас был первый институтский наряд, о мучительной сдаче которого через 24 часа очень не хотелось думать...

Слева: вид на учебный корпус ВИМО с Волочаевской улицы. Справа: вид на Волочаевскую из курсантского общежития «Хилтон», место проживания автора в 1980-м году. 1980-е годы, по материалам Интернета.

Мой напарник по овощерезке мне нравился, можно сказать, мне повезло: москвич, вполне цивилизованный вчерашний школяр, в общем, с общением у нас проблем не было. Овощерезка по слухам была не самым плохим местом, и оставалось только надеяться на лучшее, что не заставило себя ждать. Ярко освещенное влажное помещение сияло еще неразбитым умелыми руками курсантов кафелем и звонким, непривычным эхом. Мы вошли в дверь и остановились, как вкопанные, ошеломленно рассматривая сдающих наряд. «Сейчас! Мы их «сделаем»! Заставьте их работать сегодня, тогда вам меньше делать завтра! Примите наряд, как надо!» - эти напутствия еще гудели в голове, но ноги мои не двигались. По легенде ВИМО со времени насильственного перемещения под флаг Института ненавистных юристов, среди курсантов появилась нехорошая традиция насильственной сдачи внутреннего наряда, когда новый караул или наряд по кухне волен не принимать наряд пока все мыслимые и немыслимые недостатки не были устранены сдающими. Понятно, что врожденная лень и умело развитая безалаберность курсантов вещь неодолимая, и устранять недостатки или убирать грязь дело нужное, однако, сдача наряда превратилась со временем в определенный спорт, в котором было достаточно «неспортивного». Младшим курсам доставалось от старших, юристы, или в просторечии «юрла», «доставали» переводчиков, при этом грязь все равно оставалась. Первый институтский наряд первокурсников по традиции был тяжелым: физическая нагрузка, усталость и придирчивость старших казались всем чрезмерными. Надо было, просто, «расслабиться и получить удовольствие», как мрачно шутили милые сокурсники, намекая на неизбежное насилие.

Посреди большой комнаты на драных, колченогих стульях сидело двое мужчин. Назвать их большими было неправильно, они были огромны! От страха они мне показались пожилыми, но увидев нас, гиганты неожиданно заулыбались и легко вскочили на ноги. Ох, лучше они бы сидели! Две двухметровые фигуры весом по 150 килограммов смотрели на нас сверху и почему-то доброжелательно басили: «Ну, ребята, наконец-то! А, то, мы тут заждались! Мы вам там картошки принесли, вам полегче будет». Гигант сделал широкий жест в угол, и мне стало не по себе. «Немного картошки» выглядело на все три тонны. Принесли! Нормально, а, как бы мы это все носили?! Великаны побросали на пол кривые перочинные ножички, которые держали в руках, и, весело балагуря, исчезли, почесывая свои домашние, теплые свитера. Их низкие голоса еще гулко разносились по коридору, но мы все стояли посреди овощерезки, мучительно прикидывая объем предстоящей работы.

Поразившие наше неокрепшее сознание «гераклы» оказались плодом армейского тщеславия, поразившего добрый, старый ВИИЯ в середине 70-х годов. С приходом нового зам.начальника Института, кроме уже набивших аскомину уставов и строевой, выше многих других предметов стал спорт, что, само по себе, не так уж и плохо. Однако, армейский спорт дело хитрое, и для многих курсантов он был принудителен. (Достаточно вспомнить как я сам «защищал спортивную честь курса» на сцене клуба с 16-кг гирей в руках перед генералами в зале!) Зато «профессиональный» спорт был у нас представлен достойно! В роте обеспечения Института проходили срочную службу советские спортсмены-профессионалы, звезды армейских клубов и команд. Возможно, мы даже попросили бы у тех полугражданских атлетов автограф, если бы знали, что они были члены сборной СССР по регби...

Большие машины-картофелечистки, величиной с бетономешалку, вопреки армейской традиции, работали все, и мы стали надеяться, что с картошкой мы справимся быстро. Дело в том, что у картофелечистки был один секрет. Всем известно, что в результате нудного и малопроизводительного труда овощереза предпологалось иметь чистый, белый картофель, без пятен и «глазков», из которого соответственно повара-прапорщики готовили белую и аппетитную «картошку вар.», указанную в стандартном ассортименте к «рыбе жар.» на курсантский ужин. Если по какой-то причине картошка была не столь белой, то повара шли на хитрость, и добрая порция томатной пасты в переваренный продукт маскировала темную суть плохо очищенного картофеля. Если, случалось неприятное, и наряд по кухне по какой-то причине не выдавал три тонны достойного картофельного сырья, то «картошку вар.» в меню заменяли на перловку, что иногда случалось, и все хорошо знали, что за это наряд по кухне будут «иметь» по полной программе. Наша работа пошла весело, мы с напарником включили все машины, и вскоре приготовленные ванны начали наполняться чистой, белой картошкой. Мы не стали утруждать себя, посчитав что технологический прогресс человечества должен максимально изменить ручной труд. Покрутив картошку в машине лишние минуты, результат был замечательным: клубни были безупречно белыми, почти без «глазков», правда, несколько меньше по размеру. Но это нас не смущало, мы продолжали работу, радуясь, что нам так повезло с овощерезкой. Мутная, желтоватая масса, вытекавшая из картофелечисток, скапливалась на кафельном полу помещения, но мы не обращали на нее большого внимания. Потом смоем шлангом, благо, воды предостаточно и шланг приветливо лежал в углу. Около 22.00 все было закончено, и мы стали надеяться, что в казарму мы вернемся не позже других. Но мы сильно ошибались!

Из жизни «китайской» группы. Первый курс Восточного факультета ВИМО, 1976-й год. Фото из личных архивов.

...Сильная струя воды из шланга ударила в густую, крахмальную массу на полу помещения, на что незнакомая желтоватая субстанция ответила белой взбитой пеной. Через пять минут интенсивного полива стало ясно, что добрая тонна картошки, варварски превращенная хитроумными курсантами в беловатую жижу на полу овощерезки, смываться в решетки канализации не собиралась. Полный напор в шланге сделал

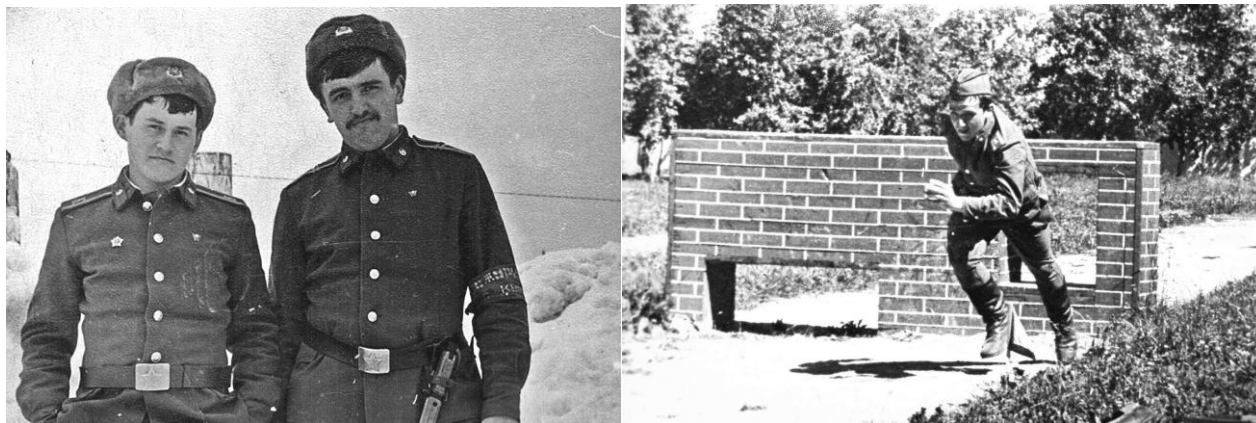
еще хуже: пена стала взбиваться сильнее, и, не смотря не все наши усилия, она поднималась все выше. Настроение испортилось и об отдыхе мы уже не думали, и мне больше всего хотелось, чтобы никто из сокурсников не видел нашего конфуза. Еще через час меня обуяла легкая паника, когда я в полностью промокших сапогах и х/б беспомощно стоял по колено в мокрой жиже и наблюдал, как проклятая пена, вопреки всем законам физики, продолжала угрожающе пениться. Я готов был поверить в происки проклятого империализма и в космических пришельцев, но я бы никогда не поверил в мое бессилие против простой картофельной пены, если бы не испытал сам! Нам повезло, и никто из кухонного наряда нас не навещал в тот вечер. Дежурный по столовой сержант Боря заглянул по долгу службы один раз, но, увидев, две мокрые, обескураженные фигуры посреди подозрительной пены, поспешил убраться. Словом, никакой помощи или «войскового товарищества», как выражался придурочный генерал - начальник Восточного факультета, мы не получили, что, возможно, было к лучшему. Борьба со стихией продолжалась далеко за полночь, когда мокрые и полностью разбитые мы, наконец, добрались до казармы. Весь кухонный наряд уже спокойно спал, и мы, стараясь не отвечать на сонные вопросы сокурсников, наконец, заснули, надеясь, что самое плохое уже было позади. Но, мы сильно ошибались. Мелкий, болезненного вида поваренок-прапорщик пришел в овощерезку до рассвета, и его тонкий, пискливый мат мы слышали еще долго в гулком коридоре кухни. Случилось непредвиденное: классическое армейское нищенство ВИМО не предполагало нормальных затычек для ванн с картошкой, и по неопытности наша самодельная затычка из картофелины выскочила, и вся вода ушла за ночь. Ситуация была угрожающей: вместо трех полных ванн с чищенной картошкой мы, по своей самоуверенности произвели лишь одну, из которой за ночь ушла вода, и теперь наша девственно белая картошка по цвету напоминала гнилые отходы. Как положено в Советской Армии, тут уж пришли «на помощь» все: и дежурный по столовой, и сержанты, и курсовой офицер! Я ожидал расстрел на месте, но, к моему удивлению, этого не произошло, нас никто не проклинал, и совместными усилиями дополнительные мешки сырой картошки были быстро доставлены в проблемную овощерезку. Весь день мы пытались исправить положение, однако, время было упущено, и вся наша продукция пошла на обед, а на ужин молодые поколения «военных дипломатов» получили весьма непривлекательный набор из куска неаппетитной вареной рыбы с перловой кашей.

Из жизни «китайской» группы. Первый курс Восточного факультета ВИМО, 1976-й год. Фото из личных архивов.

Сдача наряда прошла легко, когда второкурсники Западного факультета сменили нас достаточно быстро. То ли, люди нормальные попались, то ли, мне уже было все равно от усталости, но сдачу своего первого институтского наряда по кухне я помню смутно. О нашем пенном приключении никто не поминал: служебные заботы, учебная нагрузка, усталость брали свое. Серые институтские будни растянулись надолго. За первые четыре года курсантской жизни я побывал в сотне разных нарядов, легких и не очень, встречал новый 1978 год в карауле, торчал целый год на «почетном» первом посту у институтского знамени и даже умудрился устроить тайное свидание со знаменитыми «неприкосаемыми» курсистками в тишине воскресного

учебного корпуса, будучи дежурным по этому самому корпусу. Служба войск, наряды, воспринимались нами, молодыми курсантами Военного Института, как ненужная, дополнительная нагрузка, навязанная маршматичным командованием ВИМО. Никто и никогда в наше время не рассматривал опыт несения службы, как полезные знания: только лишь, как тренировку собственной курсантской изобретательности и изворотливости. Позже мне надоело изобретать легкие пути, и я стал относиться ко многому в моей воинской службе, как к должному, потому-что тупо и исполнительно следовать уставу, на самом деле, легче, чем нарушать его. По иронии судьбы, именно институтский опыт внутренней службы пригодился мне больше всего во время моей офицерской службы в войсках. Как известно, после выпуска из ВКИМО я не попал в полу-блатной список тружеников знаменитых учебных центров, доблестно обучавших храбрых представителей третьего мира; мой путь лежал в войска, где простое несение внутренней службы было нормой. Пути выпускников Военного Института неисповедимы, и, надо признаться, я никогда не жаловался на свою судьбу, позволившую мне и поехать, и посмотреть вдоволь, не прогибаясь в каких-то там мифических «десятках» и прочая. Возможно, кто-то из ветеранов посчитает мой путь не слишком «вияковским», но моя доблестная служба в полку ОСНАЗ в ГСВГ позволила мне представить «элитность» переводческой деятельности. История не повторяется, и, вероятно, слушатели неясного мне сегодня Военного Университета не чистят картошку, что наверно правильно. Мы все принадлежим своему времени, которое требовало от нас ровно то, что нужно было тогда.

«Подальше от командиров, поближе к кухне!» Военный Институт научил меня многому. Фото из личных архивов.

Нужно ли все это вспоминать сейчас? Трудно сказать. Возможно, мои воспоминания займут место на музейной полке «ВИМО 1976 г.», в разделе «Эпоха Well-Cut», по мнению многих – самый мрачный, недемократичный период в истории Военного Института: период правления генералов Величко и Катышкина. Будет ли это интересно современным курсантам Университета? Наверяд ли. Советские времена еще не достигли исторического умиления в головах граждан современной России, и армейская жизнь 1970-х воспринимается многими, как ненужные трудности старой, несовершенной страны.

Sydney 2016.

Военный Университет МО РФ, 2000-е годы. По материалам Интернета.

Sydney 2016.